

RU

Буддийская концепция «сансара» в творчестве И. А. Бунина

Лю Юаньюань

Аннотация. Цель исследования - определить религиозно-философский смысл концепции «сансара» в творчестве И. А. Бунина. В статье акцентируется внимание на философских концепциях буддизма, характерных для прозы Бунина, их истоках. Научная новизна работы состоит в том, что статья посвящена детальному анализу ряда произведений И. А. Бунина с точки зрения буддистской философии при особом внимании к религиозной символике, терминологии. Впервые в статье затрагивается проблема термина «сансара» в прозаических произведениях Бунина, проводится анализ трактовки писателем религиозно-философских доктрин буддизма, роли и места буддистской философии в произведениях автора. В результате исследования выявлены источники и роль буддистской философии в творчестве Бунина, определены место и роль буддистских идей, символов, образов в прозаических произведениях писателя.

EN

Buddhist Concept of “Samsara” in I. A. Bunin’s Creative Work

Liu Yuanyuan

Abstract. The aim of the study is to determine the religious and philosophical meaning of the concept of “samsara” in I. A. Bunin’s creativity. The article focuses on the philosophical concepts of Buddhism characteristic of Bunin’s prose, their origins. The scientific novelty consists in the fact that the paper is dedicated to a detailed analysis of a number of Bunin’s works from the point of view of Buddhist philosophy with special attention to religious symbolism, terminology. For the first time, the article touches upon the problem of the term “samsara” in Bunin’s prose works, analyses the writer’s interpretation of the religious and philosophical doctrines of Buddhism, the role and place of Buddhist philosophy in the author’s creativity. As a result of the research, the sources and role of Buddhist philosophy in Bunin’s work are identified, the place and role of Buddhist ideas, symbols, images in the writer’s prose are determined.

Введение

Актуальность исследования. В России всегда наблюдался интерес к восточной философии. Проникновение восточной культуры в литературную и философскую мысль России началось уже в XV в., одним из первооткрывателей Востока был, несомненно, Афанасий Никитин. На рубеже XIX-XX вв. в Европе, Америке и России было издано колоссальное количество ориентальной литературы, но все это воспринималось как экзотика. Переводы европейских и американских авторов до настоящего времени «грешат» некоторой тенденциозностью подачи материала, который, как правило, подается сквозь призму европейской культуры. Переводы часто осуществлялись без должного понимания темы, без знания основ, терминологии. Многие интересовались восточной философией, мистицизмом, но зачастую это была лишь игра, дань моде. В отличие от многих, И. А. Бунин избрал иной путь в постижении восточных учений, который состоял в глубоком погружении в познаваемый им предмет. Мы можем с уверенностью утверждать, что помимо буддизма Бунин основательно изучил многие философские и религиозные течения Востока.

Исследование наследия И. А. Бунина началось в России в 50-х годах прошлого столетия. В настоящее время существует достаточно большой корпус текстов, посвященных личности и творчеству Бунина. Но надо заметить, что до сих пор остается недостаточно разработанной восточная тема, в частности буддистская составляющая в творчестве писателя. Недостаточно охвачен вниманием исследователей весь спектр восточных произведений автора, не в полном объеме изучены вопросы мировоззрения, отношения Бунина к различным религиям и философским системам Востока. Многие образы, метафорические ряды, скрытые смыслы не в полной мере поняты нами. Без глубокого изучения этих вопросов мы рискуем так и не понять до конца наследия Ивана Алексеевича, не постичь всех глубинных смыслов, заложенных в его произведениях, не сможем до конца оценить масштаб его личности, его философские воззрения.

В настоящее время в российском и международном научном сообществе растет интерес к творчеству И. А. Бунина, одним из направлений исследований является изучение «ориентализма» в творчестве писателя. Изучение влияния на бунинское творчество религиозно-философских представлений буддизма, в частности концепции «сансара», актуально для дальнейших исследований феномена ориентализма как в творчестве писателя, так и в аспекте влияния Востока на русскую литературу Серебряного века.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, определить истоки и источники, породившие в творчестве И. А. Бунина интерес к буддистской философии; во-вторых, осмыслить место буддизма в мировоззрении Бунина; в-третьих, проанализировать понимание писателем буддистской концепции «сансара»; в-четвертых, проанализировать ряд произведений Бунина в свете понимания им буддистской философии.

Для достижения цели нашего исследования в статье применяются следующие методы исследования: системный, типологический, сравнительный и тематический.

Теоретическая база исследования основывается на материалах научных исследований творчества Бунина российскими и зарубежными учеными, публицистических работах современников писателя. Мы опираемся на работы О. В. Сливичкой (1969; 1999), рассматривающей произведения Бунина с точки зрения восточной тематики, впервые указавшей на реминисценции из Палийского канона, Корана, Библии в творчестве писателя. Необходимо отметить диссертацию Е. Б. Смоляниновой (2007) «Буддийский Восток в творчестве И. А. Бунина», где ученый справедливо отмечает, что Бунин глубоко постиг буддистское учение, однако соглашался не со всеми постулатами и концепциями, фактически создавая собственную концепцию мира и бытия. Большой вклад в буниноведение внес и русист Т. Г. Марулло (2000), им достаточно глубоко проработаны вопросы буддистской философии в произведениях литератора, место буддистской философии в мировоззрении Бунина. Понимание творческого наследия писателя не может быть полным без воспоминаний его современников, в связи с чем была привлечена книга Б. К. Зайцева (2000) «Перечитывая Бунина».

Практическая значимость исследования состоит в том, что материал статьи может быть использован в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и научных семинаров по истории русской литературы, по мировой культуре, религиоведению, философии. Материал данной статьи может быть полезен для дальнейшего изучения творчества Бунина.

Основная часть

Краткий теоретический экскурс в основные понятия буддистской философии

Прежде чем анализировать концепцию «сансара» в творчестве Бунина, необходимо дать определение используемым в настоящем исследовании буддистским понятиям и терминам, охарактеризовать ключевые буддистские концепции, а также основные направления буддистской мысли. Буддизм как философское и религиозное течение включает в себя достаточно большое количество сект и концепций, но все эти секты и концепции существуют и развиваются внутри двух основных направлений буддизма: Хинаяна («Малая колесница»); Махаяна («Большая колесница»).

Если не углубляться в теологические и философские тонкости данных концепций, то основное отличие двух направлений буддизма можно охарактеризовать следующим образом.

Путь Хинаяны – это путь личного «освобождения» и достижения Нирваны. Учение опирается на Трипитаку (Палийский канон). Данная религиозная концепция распространена в Шри-Ланке (Цейлон), Таиланде, Индии.

Путь Махаяны заключается в достижении блага для всех живых существ. Опирается в своем учении на сутры и трактаты, написанные мастерами буддизма. Основные регионы распространения: Китай, Тибет, Непал и Япония.

Также необходимо отметить, что в буддизме Хинаяны Будда – человек достигший «просветления»; в буддизме Махаяны Будда – метафизическая реальность.

Вероятно, И. А. Бунин не был знаком с буддизмом Махаяны, об этом, на наш взгляд, говорят как его интерпретация идей буддизма, так и материалы исследователей творчества Бунина и его современников. Например, Т. Г. Марулло (2000) утверждал в своем исследовании, что Бунину были известны как минимум два произведения, а именно: «Сутта-Нипата» (одна из наиболее ранних частей Палийского канона), а также «Записки о буддийских царствах; рассказ китайского монаха Фа-Сяня о его путешествиях по Индии и Цейлону» (319-414 гг. н.э.), оба этих труда относятся к Традиции Хинаяны. В пользу этой гипотезы говорит и то, что данные произведения были популярны в среде русской интеллигенции того периода.

Вернемся к определению необходимых нам терминов и понятий. Основной концепцией буддизма, его корнем, являются «Четыре благородные истины». Первая истина гласит: «В мире существует страдание». Вторая благородная истина гласит: «Существует причина страдания – это различные желания и страсти». Третья благородная истина говорит нам: «Существует способ прекращения страданий – достижение Нирваны». И, наконец, самая главная, четвертая благородная истина: «Существует путь, ведущий к обретению Нирваны и прекращению страдания, – Благородный восьмеричный путь». Сансара – круговорот рождения и смерти в мире, обусловленном законом кармы. В широком смысле используется как синоним феноменального существования, в узком – как обозначение «окружающего мира» человека, сферы его субъективного опыта. В дословном переводе: скитание, которое будет длиться вечно. Колесо сансары – это совокупность

всех миров, находящихся в постоянном движении и трансформации, ничто в них не является постоянным и неизменным. Карма в общем виде означает влияние совершенных индивидом действий (телесных, речевых, ментальных) на всю его последующую жизнь.

Эти понятия являются ключевыми для осмысления влияния буддизма на творчество Бунина, но данный список, очевидно, не является исчерпывающим. Если в процессе исследования возникнет необходимость ввести некий термин или понятие для достижения цели исследования, значение термина будет дано в ходе рассуждения. Теперь перейдем непосредственно к теме исследования.

Истоки буддизма в творчестве И. А. Бунина

Для достижения цели нашего исследования нам необходимо выяснить истоки и причины, побудившие И. А. Бунина обратиться в своем творчестве к буддизму.

Считается, что интерес к Востоку в общем смысле пробудил в маленьком Иване его губернатор Николай Осипович Ромашков (Каримираби, 2015, с. 22), который окончил курс в Лазаревском институте восточных языков в Москве, он был великолепно образован, знал несколько иностранных языков. По воспоминаниям Ивана Алексеевича, именно Николай Осипович привил ему любовь к чтению и зародил в нем жажду странствий. Одной из первых книг, самостоятельно прочитанных будущим известным писателем под руководством Ромашкова, была «Одиссея» Гомера.

Многие исследователи бунинского наследия сходятся во мнении, что большое влияние на него оказал Л. Н. Толстой, бывший для писателя непререкаемым моральным авторитетом на протяжении всей жизни писателя. Можно с уверенностью утверждать, что никто не повлиял в большей мере на становление И. А. Бунина как личности и как писателя, чем Толстой. Согласно мнению О. В. Сливичкиной (1999, с. 12-13), изложенному ей в работе «Бунин с точки зрения буддизма», вероятнее всего, первое «прикосновение» к сокровищнице буддистской мудрости произошло под влиянием Толстого. На наш взгляд, с этой гипотезой трудно не согласиться, в пользу данного утверждения мы можем привести следующие аргументы:

- И. А. Бунин состоял в переписке с Л. Н. Толстым;
- некоторое время был активным участником толстовского движения, участвовал в толстовских кружках, держал книжный магазин в Полтаве, основной целью которого были популяризация идей Льва Николаевича и распространение толстовской литературы;
- в 1905 году Толстой публикует очерк «Будда». Исходя из дневниковых записей Льва Николаевича, работать над данной брошюрой он начал в конце 1885 или в начале 1886 года. В 1909-1910 гг. под руководством и под редакцией Толстого выходит в свет книга П. А. Буланже «Жизнь и учение Сиддарты Готамы, прозванного Буддой (совершеннейшим)», (изд. «Посредник», 1911 г.).

Исходя из этого, трудно предположить, что духовные искания учителя были не замечены одним из самых преданных его учеников. С достаточно большой долей вероятности мы можем утверждать, что именно Толстой привел Бунина к изучению и постижению буддизма.

Нельзя обойти вниманием и общую социально-политическую ситуацию в России и мире, «брожение умов», раскол русской интеллигенции на «западников» и «славянофилов», кризис европоцентризма, кризис христианства и в этой связи «поворот» на Восток, поиск русской интеллигенцией новых смыслов через постижение восточной мудрости.

Также важной вехой на пути изучения буддизма явилось путешествие писателя на остров Цейлон, предпринятое им в 1911 году. Стоит отметить интересный факт, который побудил И. А. Бунина посетить Цейлон. Катализатором этой идеи, без сомнения, стал А. П. Чехов. Сам Чехов посетил Цейлон в ноябре 1890 года, во время своей «азиатской кругосветки» – через всю Сибирь на Сахалин и далее, возвращаясь тропическими морями в Одессу. Стала «крылатой» фраза Чехова (1976), написанная в письме к другу: «Я был и в аду, каким представляется Сахалин, и в раю, т.е. на острове Цейлон» (с. 143-144). Одним из главных мотивов, побудивших Ивана Алексеевича отправиться на Цейлон, явилось то обстоятельство, что с 1899 г. он стал частым гостем в ялтинском доме Чехова. Во время этих посещений Чехов много рассказывал молодому писателю о своем путешествии, впечатлениях о Цейлоне и настоятельно советовал ему посетить это место. Также, вероятно, на молодого литератора повлиял тот факт, что, по признаниям Антона Павловича, он написал свой рассказ «Гусев» в Коломбо. В первой публикации Чехов сопроводил рассказ припиской: «Коломбо, 12 ноября 1890 г.», а для Бунина данный рассказ был одним из любимых и высоко ценимых произведений мастера (Бунин, 1955, с. 132).

При этом вся жизнь И. А. Бунина была поиском Пути. Его душевной организации, видимо, был близок Путь Гаутамы, возможно, он ассоциировал свой жизненный путь, свой нравственный поиск с принципом Сиддхартхой. Но также необходимо отметить, что духовный поиск его не был ограничен только буддизмом, Бунин впитал в себя все духовное наследие человечества. Известно, что писатель изучал Коран, суфийские тексты, наследие Древнего Египта, зороастризм и религиозные практики Междуречья (Сливичкина, 1969, с. 23-28). Так же как и для Толстого, для него был важен морально-этический и религиозно-философский аспект в его поиске. Иван Алексеевич ни в коей мере не являлся слепым последователем какой-либо из религий, все полученные им знания он пропускал через себя, перерабатывал и формировал собственное, «сокровенное» понимание. В стихотворении «Собака» (1909 г.) он так выразил свое художественное и человеческое кредо: «Я человек: как Бог, обречен познать тоску всех стран и всех времен» (Бунин, 1965, с. 319).

Но, вероятно, буддизм был самой близкой для него философской доктриной, сам он считал, что его праотец родом из Индии, родины буддизма, в своем произведении «Ночь» он замечает: «Мой пращур обитал в Индии» (Бунин, 2019, с. 278).

Буддистская доктрина в философских воззрениях и литературном наследии Бунина

Проведем краткий анализ философских воззрений И. А. Бунина с точки зрения буддистской доктрины, определив, каким образом Бунин понимал основные постулаты буддизма. Как отмечено нами ранее, присутствие восточных практик и буддизма в жизни и творчестве писателя не связано с его профессиональной принадлежностью, а напрямую проистекает из мироощущения и духовного поиска.

«Буддизм как учение имеет огромную историю и имеет различные направления. И. А. Бунин высказывал в своих текстах лишь те мысли, которые он почерпнул в различных источниках, с которыми стал знаком. К таким относятся канонические произведения Палийского канона, сохранившиеся на Цейлоне, а также русские и переведенные труды по буддизму, отголоски которых присутствуют в его стихах и прозе» (Бернюкевич, 2014, с. 115).

Б. К. Зайцев (2000), близко знавший Бунина, констатировал: «При всей своей стихийной русскости, чрезвычайном богатстве языка родного (особенно народного), при остро-чувственном восприятии природы, да и вообще Космоса, предельной любви к жизни, этому “драгоценному сосуду”, который вот-вот возьмет смерть (а отсюда и предельная боязнь-ненависть к смерти), при всем этом в нем сидело – то же органическое, не книжное, тяготение к Индии, к буддизму. Самого Будду он весьма почитал, не был ли Будда ему даже ближе, чем Христос» (с. 413).

Как отмечено выше, корнем буддизма являются «Четыре благородные истины», из них следует, что все есть – страдание, вся наша жизнь – это борьба единства и противоположностей. Любое проявление человеческой природы имеет свой положительный и отрицательный аспект: любовь – ненависть, экономность – скупость и так далее. Анализируя творчество И. А. Бунина, мы можем увидеть, что он в полной мере впитал в себя глубинный смысл «Четырех благородных истин», и если в начале XX столетия в творчестве автора только появляются буддистские коннотации, то начиная с 1910 года в творчестве Бунина все более четко прослеживается тема страдания, тщетности человеческих страстей, устремлений, все чаще героями его произведений становятся изгои, нищие, обездоленные, униженные и оскорбленные, люди, ослепленные жаждой наживы. Все чаще на первый план выходит тема смерти и бренности человеческого бытия. Через призму буддистской доктрины Бунин пытался осмыслить происходящее в России и мире, найти ответы на вечные вопросы человечества. Бунину не были чужды мысли о судьбе Отечества, в том числе и с помощью буддистской философии он пытался найти новые смыслы для выхода из кризисной ситуации в стране. Как известно, конец XIX – начало XX века были непростым временем: конец Викторианской эпохи в Англии, становление системы колониализма, кризис европейской мысли, потеря ориентиров в социуме, падение нравственности и деградация культуры, кризис христианства, промышленная революция и как следствие промышленной революции миграция деревенского населения в города, слом традиционного уклада, люмпенизация бывших крестьян. В России ситуация была еще сложнее: помимо общеевропейских проблем, она усугублялась отставанием в развитии от других европейских стран, кризисом монархии, проигрышем в Русско-японской войне 1905 года, событиями первой русской революции. Возвращаясь к вопросам буддистской доктрины, необходимо отметить, что И. А. Бунин глубоко понимал постулаты буддизма, он основательно впитал в себя такие понятия, как дхарма, сансара и карма. Такой вывод можно сделать из анализа произведений автора, его писем, дневниковых записей. Вероятно, Бунин был хорошо знаком и с формулой принятия буддизма и четко понимал ее. Формула принятия буддизма в целом проста и состоит из трех пунктов (в ламаистском буддизме добавлен четвертый пункт, но для традиции Хинаяны как канонического буддизма не является существенным, в силу этого в нашем исследовании мы не будем рассматривать данный постулат):

1. Я принимаю прибежище в Будде.

2. Я принимаю прибежище в Дхарме (в общем смысле данный постулат можно трактовать таким образом: неопит, вступающий на путь буддизма, помимо Будды, также принимает и учение Будды, и Путь, на который он вступает).

3. Я принимаю прибежище в Сангхе (в общем смысле неопит принимает монахов, последователей Будды; в более широком смысле данный постулат можно трактовать подобно исламскому понятию «умма», то есть как семью, братство единоверцев, этот нюанс будет важен для анализа произведения «Братья»).

Важным моментом является понимание и осмысление И. А. Буниным идеи Освобождения как прерывания «колеса сансары», выхода из «цепи» (эту формулировку Бунин позаимствовал из Экклезиаста). Эта идея проходит красной нитью через все творчество писателя. На наш взгляд, апофеозом идеи Освобождения является трактат «Освобождение Толстого», вероятно, это одно из самых глубоких произведений, описывающих последние дни Льва Николаевича, не случайно был выбран эпиграф для этого трактата: «Совершенный, монахи, не живет в довольстве. Совершенный, о монахи, есть святой Высочайший Будда. Отверзете уши ваши: освобождение от смерти найдено» (Сутта-Нипата, 2001, с. 93).

Возможно, «Освобождение Толстого» – самое «буддистское» произведение великого писателя, без анализа которого невозможно полностью оценить ни масштаб личности И. А. Бунина, ни его понимание личности Л. Н. Толстого, его мировоззрения, трансформацию взглядов на вопросы жизни и смерти, этапы духовного поиска. На наш взгляд, «Освобождение Толстого» дает нам самое полное понимание мотивов, побудивших Толстого покинуть Ясную Поляну. На этапе «освобождения» Толстой видел необходимым разрыв родственных связей, отказ от привязанностей, видел в этом освобождение от оков, мешающих полному освобождению на пути духовного поиска. Также это произведение является одним из важнейших источников для понимания личности самого Бунина, его философских, религиозных и морально-этических взглядов, мировоззрения. Вот как откликнулся автор «Загадки Толстого» писатель М. А. Алданов (Ландау) (1937) на появление

произведения «Освобождение Толстого»: «Не вполне ясно и существо спора с В. А. Маклаковым, со мной... Но по существу, думаю, между нами большого разногласия нет... Прав или не прав Бунин в своем понимании “освобождения” Толстого, чрезвычайно ценно и интересно его освещение жизни и мысли величайшего из всех писателей» (с. 466–467). В «Освобождении Толстого» Бунин задается вечными вопросами жизни и смерти, конечности человеческой жизни, того, что находится по ту сторону жизни, является ли смерть «концом» или «началом». В своих рассуждениях он приходит к парадоксальным выводам, главный из них – смерти нет. В его понимании, смерть – это выход из «сансары», разрывание оков, выход из цепи, прерывание цепи страданий, слияние с Вечным Океаном жизни, слияние человеческой души, как капли, с ним, полное единение с вечностью, возвращение. Фактически это понимание Буниным концепции буддистского освобождения, достижения Нирваны. Нельзя не заметить, что тема океана и слияния с ним человека прослеживается во многих «ориентальных» произведениях писателя, эта метафора, видимо, пришла в его творчество из буддистской философии, она достаточно часто встречается в буддистских и индуистских притчах и является одной из самых распространенных.

Помимо буддистской философии, немаловажным для И. А. Бунина было и соблюдение определенных буддистских поведенческих практик в обыденной жизни. Из воспоминаний современников, в частности из произведений жены Бунина, Веры Николаевны, известно (Муромцева-Бунина, 1989, с. 119), что, приступая к работе, Бунин старался в этот период вести более умеренный, аскетический образ жизни, ограничивал себя в питании, старался не употреблять вина, уподобляясь буддистским монахам, пытался очистить себя в духовном и физическом плане. В обыденной, мирской жизни ему был абсолютно чужд дух стяжательства, всю свою жизнь он скитался по съемным квартирам, часто жил у друзей, до конца жизни он так и не обзавелся собственным жильем. Даже после получения им Нобелевской премии он так и не сумел наладить своего материального положения, и, более того, достаточно большая часть денежных средств была им потрачена на благотворительность, помощь семьям нуждающихся эмигрантов, в частности, крупную сумму денег писатель передал семье Куприна, остро нуждавшейся в тот период в деньгах (Куприна, 1978, с. 174). Очевидно, что Бунин не только глубоко понимал философию буддизма, но и пытался следовать нравственным заповедям буддизма в обыденной жизни.

Анализ концепции «сансары» в произведениях И. А. Бунина

В силу ограниченного объема исследования анализ концепции «сансары» в творчестве И. А. Бунина мы проведем на материале наиболее полно отражающих понимание прозаиком концепции «сансары» рассказов «Братья» (1914 г.), «Господин из Сан-Франциско» (1915 г.) и «Чаша жизни» (1913 г.). Во-первых, все три произведения являются определенными вехами в творчестве Бунина: «Братья» – самое «ориентальное» произведение автора, «Господин из Сан-Франциско» принес Бунину мировую известность, рассказ «Чаша жизни» дал название сборнику рассказов (1915 г.), ставшему важным этапом в творчестве великого писателя. Во-вторых, именно эти рассказы, на наш взгляд, по-своему раскрывают влияние буддистской философии на творчество Бунина: «Братья» – в полной мере «буддистское» произведение, навеянное впечатлениями, полученными Буниным на Цейлоне, «Господин из Сан-Франциско» воплощает взгляды Бунина на западную цивилизацию, «Чаша жизни» становится осмыслением русской жизни через призму буддизма.

Многие исследователи творчества Бунина считают рассказ «Братья» самым «буддистским» произведением в творчестве писателя (Ким Кен Те, 2002, с. 29), и для этого имеется немало оснований: все в этом произведении наполнено присутствием Будды.

На наш взгляд, анализ данного произведения следует начать с выявления смысла, вложенного И. А. Буниным в его название и отсылающего к христианской традиции. Одной из ключевых заповедей в христианстве является братская любовь, любовь к ближнему своему. Христос говорит нам, что все люди братья, «нет ни эллина, ни иудея», а есть только братья во Христе. Можно предположить, что Буниным в названии заложен и буддистский смысл братства: понимание людей как общности (Сангхи в буддистской терминологии). Не случайно Бунин вводит слова Ананды (любимого ученика Будды) в текст рассказа: «Тела наши, господин, различны, но сердце, конечно, одно» (Бунин, 1995, с. 118). На наш взгляд, данная концепция полностью согласуется с христианским постулатом о братстве людей. Но также в названии можно увидеть аллюзии на библейскую историю о первом братоубийстве на земле, вечную, как мир, историю Каина и Авеля. Мы можем вынести из этой библейской истории урок: потакание своим страстям, стяжательство, злоба и жадность ведут нас к ужасным последствиям. С точки зрения буддизма, здесь мы можем обнаружить действие законов кармы, все наши поступки, высказанные и невысказанные мысли, действие либо бездействие ведут нас к обусловленным нашими действиями последствиям. Здесь необходимо заметить, что карма не является фатумом или роком, или некой предопределенностью, как это часто трактуют некоторые европейские философы. Карма – это цепочка действий индивида, приводящих к определенным последствиям. Но буддизм исходит из свободы воли индивида, в конечном счете выбор осуществляет человек и сообразно своим действиям получает последствия, именно это и есть в общем смысле закон кармы. Эту идею можно выразить и с точки зрения христианства: «По делам вашим воздастся вам». Очевидно, что обе религии не противоречат, а дополняют друг друга. Вероятно, Бунин считал возможным симбиоз идей буддизма и христианства, видел в этом шанс отыскать новый путь для спасения России. Бунин видел в России и «Европу», и «Азию» и считал, что через постижение восточной мудрости, познание буддизма Россия откроет новый путь для всего человечества, что, в свою очередь, спасет Россию от надвигающейся социальной катастрофы, революции.

Рассказ «Братья», как и все произведения И. А. Бунина, многослойный, в нем переплетено множество смыслов и идей автора. В советской традиции (Гольдин, 1964, с. 3–20) рассказ, как правило, оценивали с точки

зрения бичевания колониализма, пороков капиталистического общества «чистогана и наживы», что, на наш взгляд, не отображает замысел автора, который неизмеримо глубже.

Повествование начинается с описания природы Цейлона, автор раскрывает перед нами красоту тропических лесов, величие Индийского океана, омывающего остров, далее начинается описание жизни коренных обитателей острова, и уже в этом описании заложено противопоставление естественной жизни обитателей острова и навязанных им колониальными властями «новых ценностей». «Много этих тел плещется со смехом, криком и в теплой прозрачной воде каменистого побережья... Казалось бы, зачем им, этим лесным людям, прямым наследникам земли прародителей, как и теперь еще называют Цейлон, зачем им города, цен-ты, рупии? Разве не все дают им лес, океан, солнце? Однако, входя в лета, одни из них торгуют, другие работают на рисовых и чайных плантациях, третьи – на севере острова – ловят жемчуг, опускаются на дно океана и поднимаясь оттуда с кровавыми глазами, четвертые заменяют лошадей – возят европейцев по городам и окрестностям их, по темно-красным тропинкам, осененным громадными сводами лесной зелени, по тому “кабуку”, из которого и был создан Адам» (Бунин, 1995, с. 114).

Рассказ открывается картиной противопоставления двух миров – созерцательного, медитативного мира «Востока» и механистического, индустриального, пронизанного духом стяжательства мира «Запада» – и описанием двух «братьев не во Христе»: англичанина в летах и юношу-сингалца, жителя острова. Их различия – это, если можно так выразиться, только «первый слой» заложенных И. А. Буниным в рассказ смыслов. Главные герои хоть и являются представителями двух полярных миров, но тем не менее они именно «братья». Несмотря на то, что прозаик не использует в рассказе термин «сансара» прямо, осмелимся предположить, что именно исходя из собственного понимания концепции сансары он строит метафорический ряд, сюжетную линию. На наш взгляд, Бунин описывает человеческую жизнь, бытие именно как колесо сансары, круговорот рождений-смертей, круговорот человеческих страданий, пагубность человеческих страстей. Возможно, смысл, вложенный мастером в это произведение, более глубок, многослоен и не до конца понят исследователями и читателями. Через противопоставление двух миров, Востока и Запада, автор хотел продемонстрировать, что оба пути ошибочны. Будда говорил, что оба пути ведут к страданию, но есть способ избавления от страдания, путь достижения счастья для всех живых существ. Вероятно, писатель считал, что через симбиоз культур Востока и Запада можно найти третий путь для гармоничного развития цивилизации. В постижении восточной мудрости в общем смысле и, в частности, через постижение философской доктрины буддизма лежит путь «спасения» для России и мира.

Сопоставим судьбы, поведенческие мотивы героев с точки зрения концепции сансары. Так, оба героя испытывают кризис веры. Для англичанина это характерный для начала XX столетия кризис веры, потеря Бога, что очевидно из его диалога с капитаном судна: «Бога, религии в Европе давно уже нет, мы при всей своей деловитости и жадности, как лед холодны и к жизни, и к смерти: если и боимся ее, то рассудком или же только остатками животного инстинкта. Иногда мы даже стараемся внушать себе эту боязнь, увеличить ее – и все же не воспринимаем, не чувствуем в должной мере...» (Бунин, 1995, с. 129). Юный рикша также утратил веру отцов, в нем остался только смутный страх посмертного кармического воздаяния. Он помнит заповеди, но не соблюдает их, он смотрит на ритуалы, проводимые монахами, на молитвы отца, но не понимает их. Глубинные смыслы для него утеряны, старая религия мертва. «Не убивай, не воруй, не прелюбодействуй, не лги и ничем не опьяняйся, заповедал Возвышенный. Да, но что знал о нем рикша? Смутно звучало в его сердце то, что было смутно воспринято несметными сердцами его предков. В дождливое время года он ходил с отцом к священным шалашам и там, среди женщин и нищих, слушал жрецов, читавших на древнем, всеми забытом языке, и ничего не понимал, только подхватывал общее радостное восклицание при имени Возвышенного. Не раз случалось, что молился при нем отец на пороге кумирни; он преклонялся перед лежащей деревянной статуей, бормоча ее заповеди, поднимая соединенные ладони ко лбу, а потом клал на жертвенник самую мелкую и старую из своих тяжело заработанных монет. Но бормотал он равнодушно, он ведь только боялся картин на стенах кумирни, изображений муки грешников; он преклонялся и перед другими богами, перед ужасными индусскими статуями, он и в них верил, как верил в силу демонов, змей, звезд, мрака...» (Бунин, 1995, с. 120).

Любовная линия также представлена в рассказе на контрастах, с одной стороны, – англичанин, его душа мертва, чувство любви им утрачено, с другой стороны, – рикша, он ослеплен любовью, любовью к женщине. Вероятно, в русской литературе нет более буддистского взгляда на проблему любви, чем у И. А. Бунина (1995). В рассказе любовь предстает не как дар, не как счастье, пусть даже и мимолетное, любовь – это сансара, майя, страдание. «Можно представить себе, что должен думать или чувствовать юноша, выросший в райских лесах под Коломбо и уже вкушивший самой сильной отравы – любви к женщине, уже вмешавшийся в жизнь, быстро бегущую за радостями или убегаящую от печалей. Мара уже ранил его, но ведь Мара и залечивает раны. Мара вырывает из рук человека то, что схватил человек, но ведь Мара и разжигает человека снова схватить отнятое или другое что-нибудь, подобное отнятому...» (с. 124).

Оба героя в круговороте сансары ослеплены жадной наживы, но и тут мы можем увидеть противопоставление. Рикша в погоне за деньгами исходит не из эгоистичных побуждений, его мотивы альтруистичны, он мечтает обеспечить семью, заработать денег на свадьбу. Англичанин же, напротив, исходит из эгоцентричных мотивов, его жажда стяжательства эгоистична, деньги ему необходимы для удовлетворения плотских утех, его гедонизм безграничен, жажда плоти его не знает границ, душевную пустоту он пытается восполнить через плотское, телесное. Оба опьяняют, дурманят себя, англичанин – табаком и алкоголем, рикша – бетелем и алкоголем. Предпосылки ухода от действительности и тут различны: один бежит от пустоты и скуки,

другой же пытается скрасить свое существование, утопить свою боль в алкоголе, перенести тяжесть нечеловеческого труда, стимулируя себя бетелем. Оба главных героя, англичанин – яркий представитель социальных верхов, успешный и богатый, и рикша – обитатель социального дна, униженный и обездоленный, несчастны, оба страдают, оба находятся в сансаре. Жизнь обоих пронизана страданием, и каждый делает свой выбор: англичанин бежит с острова, он чужд ему, рикша выбирает самоубийство.

Безусловно, самоубийство рикши – один из ключевых моментов сюжетной линии рассказа. Нам видится, что в акте самоубийства влюбленного юноши И. А. Бунина видел его освобождение, такое понимание не соответствует канонам буддизма, но, видимо, Бунин, пропустив через себя буддистские постулаты, пришел к выводу, что смерть – это выход, прорыв из колеса сансары, прерывание цепи рождений-смертей. Подобную позицию автора мы можем увидеть и в «Освобождении Толстого». Пик развития мысли о том, что смерть, самоубийство является способом прекращения страданий, мы можем обнаружить в произведении «Митина любовь». Концепция освобождения, высказанная Буниным в «Братьях» и «Митиной любви», совершенно противоположна европейским взглядам, она абсолютно ориентальна. Фактически самоубийство рикши, мотивы его поступка как освобождения, прерывание им через смерть сансарического существования являются антитезой высказанного Гете в «Страданиях молодого Вертера» (1774 г.), где главный герой совершает самоубийство из-за «мировой скорби». Самоубийство Вертера – это акт отчаяния человека, находящегося в безвыходном положении. Самоубийство юноши в рассказе «Братья» – напротив – проявление свободы воли, добровольное, осознанное решение через смерть получить освобождение, слиться с мировым океаном, смерть в данном случае – это возвращение, единение с божественным, вечным. Океан – как метафора океана вечной жизни – очень важна в творчестве Бунина, используется им во многих произведениях – это и «Господин из Сан-Франциско», и «Сны Чанга», и многие другие. Не исключено, что «корабль» как метафора, по Бунину, – это наша механистическая, индустриальная цивилизация, именно на борту корабля англичанин пытается найти убежище, спрятаться там, лишь на корабле он чувствует себя в безопасности.

Важным аспектом повествования для понимания буддистских смыслов, заложенных И. А. Буниным в произведение, является история отца юноши и то, как молодой человек получил профессию рикши. Жизнь отца была тяжела и беспросветна, всю жизнь он проработал рикшей для блага семьи, всю жизнь пытался вырваться из нищеты, движимый любовью к семье: «“Зачем, – сказал бы Возвышенный, – зачем, монахи, захотел этот старый человек умножить свои земные горести? – Затем, – ответили бы монахи, – затем, Возвышенный, этот старый человек умножил свои земные горести, что был он движим земной любовью, тем, что от века призывает все существа к существованию”. Он имел жену, сына и много маленьких детей, не боясь того, что “кто имеет их, тот имеет и заботу о них”. Он был черен, очень худ и невзрачен, похож и на подростка, и на женщину; посерели его длинные волосы, в пучок собранные на затылке и смазанные кокосовым маслом, сморщилась кожа по всему телу или, лучше сказать, по костям; на бегу пот ручьями лил с его носа, подбородка и тряпки, повязанной вокруг жидкого таза, узкая грудь дышала со свистом и хрипом; но, подкрепляя себя дурманом бетеля, нажевывая и сплевывая кровавую пену, пачкая усы и губы, бегал он быстро. Движимый любовью, но не для себя, а для семьи, для сына хотел счастья, того, что не суждено было, не далось ему самому» (Бунин, 1995, с. 115). Цитированный отрывок наполнен буддистскими смыслами и символами, о чем свидетельствуют и мысли старого рикши, и буддистская притча, написанная Буниным в стиле Палийского канона.

Человек этот, подорвавший свое здоровье для блага семьи, – умирает. Смерть для него желанна, это освобождение, конец страданий в этой жизни, но освободился ли он в подлинном смысле, слился ли с мировым океаном жизни, прервал ли цепь перерождений? «На спине лежал в темной хижине рикша, и смертная мука искажала его жалкие черты, ибо не дошел до него голос Возвышенного, призывавший к отречению от земной любви, ибо за могилой ждала его новая скорбная жизнь, след неправой прежней» (Бунин, 1995, с. 116).

Молодой юноша, как старший в семье, принимает на себя отцовское бремя, карму его отца, наследство его – коляска да номер, выдаваемый колониальными властями рикшам. Непростой это номер, «счастливый» – цифра «7». Цифра «7» неспроста выбрана И. А. Буниным: он отсылает нас к буддистскому символизму и нумерологии. Цифра эта священна для буддистов, это и семь шагов Будды, символизирующих восхождение по семи космическим ступеням, выходящим за пределы времени и пространства, это и число подъема, восхождения к высшему, обретения центра, это и священное число Будды – семь символов, обозначающих его ипостаси. «Он испугался и удивился, услышав о смерти отца, – он думал, что это будет еще не скоро. Но, верно, был он слишком взволнован другой любовью, которая сильнее любви к отцам. “Не забывай, – сказал Возвышенный, – не забывай, юноша, жаждущий возжечь жизнь от жизни, как возжигается огонь от огня, что все страдания этого мира, где каждый либо убийца, либо убиваемый, все скорби и жалобы его – от любви”. Но уже без остатка, как скорпион в свое гнездо, вошла любовь в юношу» (Бунин, 1995, с. 117).

На короткий миг две жизни пересеклись, «братья» встретились. Англичанин нанял молодого рикшу. Выбрал его он за силу, красоту и молодость. Рикше же англичанин как клиент сулил хороший заработок, да и понравилось юноше, как умело расположился англичанин в коляске, что облегчало участь работника. Примечательно само противопоставление англичанина как символа колониализма, представителя социальных верхов, и рикши как воплощения поработанных народов в общем смысле, как образчика социального дна. Использование человека человеком как тяглового животного, на наш взгляд, – метафора наивысшей степени эксплуатации человека человеком. Подобный контраст необходим писателю, чтобы продемонстрировать торжество силы, невозможность братства между людьми ни в христианском, ни в буддистском понимании.

Рассказ «Господин из Сан-Франциско» можно назвать манифестом И. А. Бунина, в полной мере отражающим его отношение к современной ему западной цивилизации. Путь главного героя вполне прочитывается в контексте ставшей крылатой фразы Льюиса Кэрролла (2020): «Нужно бежать со всех ног, чтобы только остаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее!» (с. 65). Действительно, вся жизнь персонажа прошла в погоне за наживой, за иллюзией богатства и безопасности, за властью. Что это – если не бег в колесе сансары? Вся жизнь его была посвящена погоне за материальным, сиюминутным, в его жизни не было духовного поиска, терзаний, сомнений. В рассказе главный герой предстает перед нами «обезличенным»: мы не знаем ни его имени, ни фамилии, невольно вспоминается картина Рене Магритта «Сын человеческий» (1964 г.), такой же обезличенный типаж, подверженный земным искушениям. Поражает, насколько Бунин в своем рассказе опередил время, – рассказ и картину разделяет столетия.

Мы видим мужчину 58 лет от роду, он всю жизнь пытался сколотить состояние, и в конечном счете ему это удалось. Всю жизнь он работал, не покладая рук, в погоне за «американской мечтой» и теперь решил пожить для себя. Ему кажется, что жизнь только начинается, теперь, обладая богатством, он наконец сможет вкусить плоды своего труда. «Господин из Сан-Франциско – имени его ни в Неаполе, ни на Капри никто не запомнил – ехал в Старый Свет на целых два года, с женой и дочерью, единственно ради развлечения. Он был твердо уверен, что имеет полное право на отдых, на удовольствия, на путешествие во всех отношениях отличное. Для такой уверенности у него был тот довод, что, во-первых, он был богат, а во-вторых, только что приступал к жизни, несмотря на свои пятьдесят восемь лет. До этой поры он не жил, а лишь существовал, правда, очень недурно, но все же возлагая все надежды на будущее» (Бунин, 1995, с. 78). Но мечтам богатого господина не суждено осуществиться, он трагически умирает от сердечного приступа в предвкушении низменных наслаждений. И. А. Бунин в этом произведении раскрыл перед нами следующие концепции и образы буддизма: иллюзорность человеческой жизни, тленность всего материального, конечность каждого цикла рождения-смерти. Будда учил своих последователей тому, что жить необходимо здесь и сейчас, что любые наши планы – это «замки на песке», что главное в жизни человека – духовный поиск. Гонка за материальным, по мнению Бунина, непродуктивна, все это мираж, порожденный «майей». Само понятие «майя» является очень важным феноменом в буддийской философии, «майя» отражает в себе иллюзорность миропорядка и бытия, заставляет видеть окружающий мир не таким, каков он на самом деле. Но в тоже время «майя» является иллюзией, не в силу того, что она лишена бытия, а в том, что она преходящая. Именно с точки зрения этой концепции необходимо рассматривать жизненный путь главного героя рассказа. Господин из Сан-Франциско растратил свою жизнь на суетные желания, пытался заполнить душевную пустоту погоней за богатством, достигнув его, погнался за химерой плотских наслаждений, но не знал он, что уже назначен день его смерти, что его «сансарическое» существование будет прервано именно тогда, когда он надеялся вкусить плоды своего труда.

Наиболее примечательным, на наш взгляд, является рассказ «Чаша жизни». Главные его особенности заключены в следующем: это самый «русский» рассказ в цикле произведений писателя, пронизанных буддистской философией, по нашему мнению, именно тут мы можем обнаружить в полном объеме понимание И. А. Буниным понятий кармы и сансары.

Уже в самом названии произведения заложены и буддистские, и христианские коннотации: можно рассматривать «Чашу жизни» и как «Святой Грааль», Чашу Христа, и как Чашу Будды. Оба этих символа являются как символами жизни, так и символами духовного поиска, символами веры. Также можно представить «Чашу жизни» как метафору жизненного пути героев, его наполненность неким смыслом. Главных героев в произведении четверо, что, с точки зрения буддизма, неслучайно. Число четыре в буддизме олицетворяет собой «Четыре благородные истины», а также очень важную буддистскую концепцию – чатушкотика (чатуш – буквально «четыре»). Данная концепция была известна индийским логикам и ранее, но только в буддизме получила свое полное развитие. Концепция строится на четырех утверждениях, которые используются для рассмотрения альтернативных мнений в четырех аспектах:

- Нечто существует.
- Нечто не существует.
- Нечто и существует, и не существует одновременно.
- Нечто нельзя рассматривать ни как существующее, ни как несуществующее.

Многие исследователи, в том числе и Е. Б. Смолянинова (2007, с. 10-18), полагают, что в жизненном пути четырех главных героев также заложен буддистский смысл. В буддизме и индуизме существует четыре аспекта жизненного пути. Путь Селихова связывается ими с концепцией «артха», то есть это путь достижения материального благосостояния. Путь Иорданского – это путь «дхармы», сам термин «дхарма» многозначен, здесь он употребляется как путь познания, служения. Горизонтов избрал путь «мокша» – путь отречения от мирского, путь монаха, путь самосовершенствования. Главный женский характер представлен в двух ипостасях пути «кама» (как и любая концепция индуистской и буддистской философии, «кама» имеет свой положительный и отрицательный аспект). Юная Саша Диесперова – это воплощение понятия «кама» как женского начала, чувственности и любви. По мере взросления Александра Васильевна превращается в неудовлетворенную собственной жизнью женщину, она становится рабом своего единственного желания – иметь собственный дом.

На наш взгляд, в «Чаше жизни» жизненный путь героев необходимо рассматривать с точки зрения буддистских концепций «сансара» и «карма». По нашему мнению, данная гипотеза не опровергается, а скорее дополняет высказанные ранее другими исследователями идеи относительно влияния философии буддизма на сюжетную линию рассказа.

Впервые мы встречаем всех четырех героев летом. Саша Диесперова юна и невинна, она наслаждается своей юностью, вниманием кавалеров. Селихов – губернский франт, находящийся в отпуске, ухаживает за Сашенькой от провинциальной скуки. Про семинариста Горизонтова автор нам не сообщает особых подробностей, но можно предположить, что раз он был в свите юной Александры, то тоже не смог избежать ее чар. Иорданский же влюбился в Сашу истово. «Из всех поклонников нравился ей один Иорданский. Но она его боялась. Он пугал ее своей молчаливой любовью, огнем черных глаз и синими волосами, она вспыхивала, встречаясь с ним взглядом, и притворялась надменной, не видящей его» (Бунин, 1995, с. 216). Вот в эти летние вечера и произошла кармическая связь главных героев. Все решения, принятые ими в то лето, повлияли на их дальнейшую жизнь, их жизненный путь. Александра Васильевна предпочла всем своим ухажерам Селихова. Брак их оказался неудачным, мечтам ее о женском счастье не суждено было осуществиться, она была лишена радости материнства, прожив жизнь с нелюбимым мужем, всю свою духовную пустоту она заполняла домашними хлопотами, рукоделием. Ее терзал постоянный страх: каким образом супруг составит свое завещание, получит ли она в собственность дом? Все ее юношеские мечты свелись к этому желанию, но в то же время ее все чаще и чаще терзали сомнения о совершенном ей в юности выборе. «Порою казалось, что была в ее жизни большая любовь... что судьба обошла ее и заставила быть покорной другому, нелюбимому» (Бунин, 1995, с. 231).

В свою очередь, соперничество на любовном поприще связало кармической связью жизни отца Кира и Селихова, всю жизнь они растратили на соперничество друг с другом, каждый на своем поприще. Отец Кир поставил своей целью достичь вершин познания и многого достиг на этом пути, также он добился славы и авторитета среди жителей города. Но это не принесло ему счастья, его чаша жизни наполнена страданием и алкоголем, он так и не смог заглушить в себе боль первой неразделенной любви.

Селихов, можно сказать, – «победитель», но счастлив ли он? Близость отца Кира, яд ревности разъедают его душу. Свою чашу жизни он наполнил стяжательством, стремлением к славе и материальному благополучию. Во всем быть первым любой ценой – вот его жизненное кредо. В погоне за мирским Селихов утрачивает дар любви к женщине, ближнему, сердце его черствеет.

Горизонтов, наблюдая любовную историю своих друзей, разуверившись в женщинах и в любви, отрекается от жизни мирской. Жизнь его – жизнь монаха, более всего его заботит продление своего земного существования, телесное здоровье. «Крепко и заботливо держу в своих руках драгоценную чашу жизни» (Бунин, 1995, с. 224). Его выбор – жизнь «наблюдателя» вдаль от страстей и бурь современного ему мира. Вероятно, он и приезжает в Стрелец лишь для того, чтобы наблюдать за финалом жизни друзей своей юности, после их смерти он покидает город.

Все главные герои связаны общей кармой, все проживают свою жизнь в круговороте сансары, жизни их наполнены страданием, и только смерть дает им освобождение. Очень характерно, что после смерти Селихова жизнь теряет смысл и для отца Кира – нет более соперника, и для Александры Васильевны – цель достигнута, дом по завещанию получен, нечего больше желать.

Важный второстепенный персонаж, по нашему мнению, это юродивый Яша. Юродивый на Руси, так же как и просветленный монах-отшельник в восточной литературе, схожие по своему характеру типажи. Они видят вещи в своей первоначальной сути, для них не существует условностей, даже сильным мира сего они говорят все прямо, без обиняков.

В подтверждение нашей мысли о кармической связи героев хотелось бы привести следующую цитату: «Яша таки подстерег ее... Поглядев на Александру Васильевну, он сделал из руки щиток над глазами и быстро заменил к ней. – Радуйся, Афродита Розоперстая! – закричал он старчески-детским голосом. И, подбежав, поплевал и сунул ей в руку, – как бы украдкой и надеясь обрадовать, – четыре щепочки, связанные лычком. Александра Васильевна рассердилась, что он испугал ее, и, оттолкнув его руку, почти побежала от него. А потом долго думала: что это значит – эта Афродита и эти четыре щепочки? И почему они связаны?» (Бунин, 1995, с. 228).

Также, по нашему мнению, значимым является еще один второстепенный персонаж произведения – это водовоз. Он предстает в рассказе абсолютно счастливым человеком. Возможно, он единственный счастливый человек во всем городе, и воплощает он в себе идеал жизненного пути истинного последователя Будды: «...это был удивительный человек – он никого не боялся, ни о чем не тужил, доволен был решительно всем» (Бунин, 1995, с. 201).

Резюмируя все вышесказанное, необходимо отметить, что восточная философия оказала огромное влияние на творчество Бунина. Исследователи называют его «последователем Будды», «передающим его идеи и доносящим благородные истины до всех “братьев” в реальной жизни» (Марулло, 2000, с. 16), а также «главным “мусульманином” русской поэзии» (Прусаков, 2005, с. 11).

Заключение

Исходя из полученных нами результатов, можно констатировать, что влияние моральных и этических принципов буддистского учения на творчество И. А. Бунина было многосторонним и разноплановым. Основываясь в своем анализе на прозаических произведениях писателя, а также на материалах научных публикаций и воспоминаниях современников, мы можем сделать следующие выводы.

Интерес писателя к буддизму был порожден несколькими факторами: влиянием домашнего учителя семьи Буниных, появлением на книжном рынке переводов буддистских и иных текстов по восточной тематике философско-религиозного содержания, а также путешествием писателя на Цейлон, «колыбель» буддизма

Хинаяны, где Бунин напрямую соприкоснулся с буддизмом. Однако, по нашему мнению, главным катализатором обращения писателя к теме буддизма стал Л. Н. Толстой, на протяжении всей жизни являвшийся для него абсолютным моральным ориентиром.

Анализ прозаических и публицистических произведений И. А. Бунина («Чаша жизни», «Братья», «Господин из Сан-Франциско», «Освобождение Толстого») показал, что религиозно-философское содержание буддизма, его морально-нравственная составляющая занимали важное место в его мировоззрении. Хотя «Господин из Сан-Франциско» описывает мир Запада, «Братья» повествуют о жизни в восточной колонии, в «Чаше жизни» показана жизнь российской провинции, во всех них присутствует отсылка к буддистской доктрине «сансары». Перипетии главных героев – это не что иное, как «колесо сансары», хотя писатель никогда не использовал само это понятие, но ряд метафор свидетельствует о рассмотрении им человеческого бытия как сансары. В «Чаше жизни» путь главных героев рассматривается с точки зрения буддистской идеи «кармы».

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении творческого наследия И. А. Бунина, расширении научной дискуссии по данному направлению с привлечением к ней специалистов-религиоведов, лингвистов, буддологов.

Источники | References

1. Алданов М. Бунин И. А. Освобождение Толстого. Paris: YMCA-Press // Современные записки. 1937. Кн. 64.
2. Бернюкевич Т. В. Буддийские мотивы в творчестве И. Бунина // Егорова Л. П., Фокин А. А., Иванова И. Н. История русской литературы XX века. Первая половина: в 2 кн. / под общ. ред. проф. Л. П. Егоровой. М.: Флинта, 2014. Кн. 2. Personalia.
3. Бунин И. А. О Чехове. Незаконченные рукописи. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1955.
4. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Московский рабочий, 1995. Т. 4.
5. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Художественная литература, 1965. Т. 1.
6. Бунин И. А. Солнечный удар. М.: АСТ, 2019.
7. Гольдин С. Л. Антиколониальная тема в творчестве И. А. Бунина: заметки // Ученые записки Орехово-Зуевского педагогического института. 1964. Т. 21.
8. Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 11-ти т. М.: Русская книга, 2000. Т. 9.
9. Каримираби Э. М. Мистическое в лирике И. А. Бунина в контексте философской эстетики востока: дисс. ... к. филол. н. Казань, 2015.
10. Ким Кен Те. Мир Востока в рассказе Бунина «Братья» // Русская литература. 2002. № 3.
11. Куприна К. Куприн - мой отец. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Художественная литература, 1978.
12. Кэрролл Л. Алиса в зазеркалье, или Своя зеркало и что там увидела Алиса. М.: Лабиринт, 2020.
13. Марулло Т. Г. «Если ты встретишь Будду...». Заметки о прозе И. Бунина. Екатеринбург, 2000.
14. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Советский писатель, 1989.
15. Прусаков В. Иван Бунин - главный «мусульманин» русской поэзии // Литературная газета. 2005. № 9.
16. Сливицкая О. В. Бунин и Восток (к постановке вопроса) // Материалы межвузовской научной конференции, посвященной творчеству И. А. Бунина. Елец, 1969.
17. Сливицкая О. В. Бунин с точки зрения буддизма // Русская литература. 1999. № 4.
18. Смолянинова Е. Б. Буддийский Восток в творчестве И. А. Бунина: дисс. ... к. филол. н. СПб., 2007.
19. Сутта-Нипата: сборник бесед и поучений: буддийская каноническая книга. М.: Алетея, 2001.
20. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Письма: в 12 т. / АН СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Наука, 1976. Т. 4.

Информация об авторах | Author information

Лю Юаньюань¹

¹ Российский университет дружбы народов, г. Москва

Liu Yuanyuan¹

¹ Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

¹ yuanliu93@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.02.2022; опубликовано (published): 31.05.2022.

Ключевые слова (keywords): И. А. Бунин; буддизм; сансара; малая проза; персонаж; I. A. Bunin; Buddhism; samsara; small prose; character.